

УДК 343.232
ББК: 67.408.1
DOI 10.24411/2409-3203-2019-12056

ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ И ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК МОТИВЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ

Ступина Светлана Александровна

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и отраслевых юридических дисциплин
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ Ачинский филиал
доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Россия, г. Красноярск

Аннотация: В статье автором рассматриваются отдельные вопросы научного и судебного толкования личной заинтересованности и личного интереса как мотивов совершения преступлений. Исследуются некоторые аспекты соотношения мотива и мотивации, вопросы формирования мотива преступления в механизме преступного поведения. На основе этого с учетом полимотивированности деятельности выявляется соотношение мотивов личной заинтересованности и личного интереса с иными мотивами совершения преступления. При анализе рассматриваемых вопросов автор апеллирует как к познаниям в области юриспруденции, так и психологии. По итогам исследования определяется обоснованность законодательного использования таких субъективных признаков состава преступления, как личная заинтересованность и личный интерес.

Ключевые слова: личная заинтересованность, личный интерес, преступление, мотив преступления, уголовная ответственность.

SELF-INTEREST AS MOTIV FOR COMMITTING A CRIME: SOME PROBLEMS OF ESTABLISHING

Stupina Svetlana Aleksandrovna

Ph.D., Associate Professor, Department of State Law and Sectoral Legal Disciplines
Achinsk branch of the Federal state budget educational institution of higher education
«Krasnoyarsk state agrarian University» (Krasnoyarsk),
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure
Federal State Public Educational
Institution «Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»
Russia, Krasnoyarsk

Abstract: in the article the author considers some issues of scientific and judicial interpretation of personal concernment and personal interest as motives for committing crimes. Some aspects of correlation of motive and motivation, questions of formation of motive of a crime in the mechanism of criminal behavior are investigated. On the basis of this, taking into account the polymotivation of activity, the correlation of motives of personal concernment and personal interest with other motives of committing a crime is revealed. In analyzing the issues under consideration, the author appeals both to knowledge in the field of law and psychology. According to the results of the study, the validity of the legislative use of such subjective signs of a crime as personal concernment and personal interest is determined.

Keywords: personal concernment, personal interest, crime, motive, criminal responsibility.

Не вызывает сомнения тот факт, что эффективность борьбы с преступностью, состояние законности в этой сфере определяются как содержанием уголовного законодательства, так и практикой его применения.

В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно-опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. Данное положение уголовного закона правоприменителем нередко нарушается при установлении и толковании всех признаков состава преступления. И если формально-определенные признаки четко и однозначно зафиксированы в законе, то установление в совершенном деянии оценочных признаков наиболее проблематично, поскольку их толкование напрямую зависит от субъекта юридической практики.

В УК РФ немало терминов, нуждающихся в точных определениях. Однако мы решили остановиться на личной заинтересованности и личном интересе, как мотивах совершения преступления, поскольку данные признаки не только являются оценочными и субъективными, но и четкое их установление, а также в целом целесообразность их закрепления в уголовном законе, особенно в составах преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления напрямую определяет эффективность борьбы с преступностью.

Действующее уголовное законодательство в девяти уголовно-правовых нормах (ст. ст. 145.1, 170, 181, 200.4, 285, 285.4, 292, 299, 325 УК РФ) содержит указание на наличие у лица при совершении им преступления иной личной заинтересованности. Кроме этого в одной уголовно-правовой норме (ст. 199.1 УК РФ) законодатель говорит о таком обязательном признаке состава преступления, как совершение деяния в личных интересах. А в ст. 185.5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» упоминается такой мотив, как просто заинтересованность.

При этом также отметим, что ранее личная заинтересованность или личный интерес была обязательным признаком также в составах преступлений, предусмотренных ст.ст. 137, 183 и ст. 196 УК РФ, но на сегодня законодатель отказался в данных уголовно-правовых нормах от этого признака, что, полагаем, является вполне обоснованным.

Анализ вышеуказанных норм с точки зрения сложившегося научного понимания сущности личной заинтересованности как мотива совершения преступления, а также изучение практики толкования правоприменителем данного признака в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления позволяет констатировать тот факт, что понятия личный интерес и личная заинтересованность являются неопределенными и вследствие этого произвольно трактуются субъектами юридической практики.

Обратимся к имеющимся разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ по отдельным видам преступлений.

Согласно п.17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» личный интерес как мотив преступления может выражаться в стремлении извлечь выгоду имущественного, а также неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т.п.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» Пленум указал, что при решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) подсудимого состава преступления, предусмотренного

статьей 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», под признаками субъективной стороны данного преступления, кроме умысла, следует понимать иную личную заинтересованность – стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п. Также в этом постановлении отмечено, что как использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы следует рассматривать протекционизм, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности.

В целом отметим, что интерес может означать пользу, выгоду, прибыль. Категорией «интерес» обозначаются также нужды, потребности. С точки зрения философии интерес является определенным стимулом к действию, побудительным толчком к достижению целей, объективно выгодных субъекту.

Исследование законодательно неопределенного понятия иной личной заинтересованности позволяет констатировать тот факт, что в основе психических образований данного мотива лежит неограниченная совокупность потребностей субъекта. К иной личной заинтересованности можно отнести фактически любые мотивы поведения человека.

Заметим, что формирование мотива происходит не сразу. Первоначально определяется потребность. Еще в своих исследованиях А.Н. Леонтьев [3, 4] установил, что побуждением для сложных форм деятельности человека выступает совокупность потребностей. Именно это в своих работах как по общей психологии, так и психологии отдельных видов деятельности, в том числе и девиантного поведения, последователи называют полимотивированностью деятельности.

Поскольку потребности конкретизируются в мотивах и реализуются через них, то одной потребности может соответствовать совокупность мотивов, а мотив может входить в разные потребностные группы. При этом те или иные мотивы вносят разную степень вклада в реализацию той или иной потребности. «В иерархической системе мотивов, связанных с определенной потребностью, выделяются уровни доминирования тех или иных мотивов, которые позволяют уточнить конкретную специфику предметного содержания потребностей» [6].

Кроме этого при анализе таких признаков субъективной стороны как личная заинтересованность и личный интерес весьма занимательно уделить некоторое внимание соотношению мотива и мотивации, чему в современной правоприменительной деятельности неоправданно не уделяется должного внимания.

Вместе с тем этот аспект выступает объектом исследования не только в юриспруденции, но и, прежде всего, в психологии, где особенно проблеме мотивации и ее проявлениям в различных социальных сферах посвящается множество трудов.

Вопросы изучения мотивации нормативного и девиантного поведения в свое время рассматривались в работах Б. С. Братуся, Э. Дюркгейма, В.Н. Кудрявцева, О.А. Сагалаковой, Д.В. Труевцева, П.Р. Юсупова и других.

Конечно, мотивация шире понятия мотива, который имманентно присущ мотивации и неразрывно с ней связан.

В.Н. Кудрявцев определял, что мотивация – это не только процесс формирования и изменения мотива, но и совокупность мотивов, возникающих, меняющихся и реализуемых в процессе поведения [2].

В мотивации учитываются все обстоятельства, факторы и условия поведения, в том числе и преступного, а также его содержание с учетом возможности удовлетворения потребностей человека.

При преступном поведении происходит трансформация общих мотивов личности в преступные мотивы как вариант асоциального процесса развития мотивационной структуры деятельности.

Соответственно при совершении преступления происходит удовлетворение актуализированной осознанной и эмоционально пережитой потребности через мотив его совершения.

При этом, как правило, мотив определяет поведение посредством сформировавшейся под его влиянием цели, как желаемого результата преступного деяния.

Из вышеизложенного можно констатировать, что в основе любой деятельности, в том числе и преступного поведения, лежит не один конкретный мотив, а их совокупность. Конечно, среди сформировавшихся мотивов при совершении преступления можно выделить доминантный. Однако в любом случае на формирование цели оказывают влияние и общие мотивы личности.

Природа человека и мотивация его поведения таковы, что все деяния совершаются им из личной заинтересованности (иначе он их просто не совершит). Апеллируя к психологии, отметим, что если человек не заинтересован в совершении какого-либо преступного деяния, то оно и не будет реализовано. Ничто не может заставить индивида совершить те или иные действия, без его желания, при отсутствии какого-то личного интереса [5, с. 188-189].

Согласно уголовному законодательству совершение того или иного преступления уже предполагает волевою психическую деятельность лица, у которого имеются определенные причины, опосредованные сознанием человека.

Поэтому полагаем нецелесообразным включение личного интереса в качестве обязательного признака в составы преступлений, предусмотренных УК РФ.

Указание же на рассматриваемый признак обязывает правоприменителя в процессуальных документах обосновывать наличие в совершенном преступлении личной заинтересованности субъекта, что нередко влечет неправильное применение УК РФ и в соответствии со ст.ст. 378, 379 УПК РФ отмену приговора суда и прекращение уголовного дела.

Рассмотрим такой пример, приговором Н-ого районного суда Красноярского края Иванов И.И., осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ и по ст. 292 УК РФ. При совершении вмененных указанному лицу преступлений как следствием, так и судом было определено, что общественно опасные деяния были совершены из иной личной заинтересованности, т.е. имеется такой обязательный признак субъективной стороны в совершенных преступлениях как иная личная заинтересованность. Вместе с тем, в определении данного признака, на наш взгляд, были положены такие обстоятельства, как «уменьшение объема работы на вверенной линии по раскрытию преступлений и улучшение статистических показателей результатов работы» [8]. Ни один из этих фактов нельзя достоверно установить! Естественно, вынося незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основе сфальсифицированного объяснения от имени потерпевшей, лицо в любом случае имеет те или иные мотивы. Однако именно такое толкование судебной практикой данного признака сразу вызвало несогласие и обжалование приговора.

На сегодняшний день нередко возникают противоречия правоприменительного характера при установлении таких мотивов, как личная заинтересованность и личный интерес.

Как, например, было установлено в результате мониторинга правоприменения по ст. 292 УК РФ за период с 2015 г. по 2018 г. [7] в ряде случаев суды ограничиваются только констатацией наличия иной личной заинтересованности, не раскрывая содержание этого признака и обстоятельств, на основании которых такой мотив был установлен [1], что, несомненно, не способствует объективному и всестороннему установлению всех признаков состава преступления, как основания уголовной ответственности.

Так, по делу в отношении следователя кассационной инстанцией приговор Федерального суда общей юрисдикции по ст. 285 ч. 1 УК РФ был отменен, уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ производством прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления [11]. В основе такого решения наряду с тем, что суд первой инстанции оценочно, общими формулировками без обоснований подошел к установлению такого признака объективной стороны, как существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, лег и факт формализма при определении личной заинтересованности.

Показательны и некоторые варианты толкования судебными органами рассматриваемых мотивов.

Также, к примеру, и в Обобщении практики рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности за 2-е полугодие 2013 г. и 2014 г. в судах Ямало-Ненецкого автономного округа [9] отмечается, что иная личная заинтересованность виновного должностного лица, образующая состав преступления, должна быть отличной от интересов службы.

Однако далее указывается на то, что если же заинтересованность должностного лица совпадает с интересами службы, то ее нельзя рассматривать как исключительно личную.

Из этого видимо следует вывод, что для вменения личной заинтересованности необходимо установить отсутствие доминирующего мотива служебного интереса.

В этом плане занимательно следующее обоснование личного интереса, положенное в основу обвинительного приговора по ст. 199.1 УК РФ.

Так, в приговоре указано, что С. после вступления в должность генерального директора АО «Б.» умышленно в ущерб экономическим интересам государства в личных интересах имущественного и неимущественного характера, а именно стараясь наладить бесперебойную работу предприятия с целью обеспечить всех работников, в том числе, и себя заработной платой и премиальным вознаграждением, стараясь остаться на занимаемой должности руководителя предприятия, из карьеризма и желания приукрасить действительное финансовое положение предприятие, нежелания улучшить производственные показатели иными, законными способами, вступая в трудовые отношения с работниками АО, выплачивая им заработную плату и производя удержания из сумм дохода работников предприятия налог на доходы физических лиц, не произвел в установленный п. 6 ст. 226 Налогового кодекса РФ срок перечисление в бюджет исчисленного и удержанного у работников АО «Б.» налога на доходы физических лиц [10].

В другом случае лицо привлекается к уголовной ответственности по ст. 199.1 УК РФ на том основании, что, являясь руководителем коммерческой организации в г. Сосновоборске Красноярского края и являясь налоговым агентом, на протяжении достаточно длительного времени не перечислял в бюджет налог, удержанный из заработной платы рабочих. Свои поведение он объяснил отсутствием денежных средств на дальнейшее развитие организации и чтобы выплатить заработную плату он вынужден был брать кредит, суммы которого было достаточно только для уплаты заработной платы рабочим именно в размере с уже вычтенным налогом, иначе бы ему пришлось уволить рабочих, поэтому, по его мнению, он действовал не в своих личных интересах. В этом случае правоприменитель столкнулся с очевидным, но спорным фактом установления личной заинтересованности.

Можно предположить, что работодатель поступает так ради своих работников. Однако в действительности это не так. На рынке труда рабочая сила представляет собой определенное подобие товара. Работник не связан узами крепостного права, он свободно выбирает работодателя, продает свой труд за определенную цену. Уклоняясь от уплаты налогов на доходы работников, работодатель тем самым экономит деньги на оплате труда, что и составляет его личную заинтересованность. В приведенном же примере лицо, являлось собственником коммерческой организации, осуществляет предпринимательскую деятельность, которая согласно ст. 2 ГК РФ является самостоятельной, осуществляемой на свой риск и направленной на систематическое получение прибыли от пользования

имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Таким образом, уже налицо личная заинтересованность.

В целом же отметим, что указание в норме о неисполнении обязанностей налогового агента на личные интересы представляется излишним.

Следует отметить, что в рассмотренном случае именно установление данного признака явилось одним из «краеугольных камней» в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

Возвращаясь к общим положениям о природе мотивов человеческой деятельности, обоснованно ли утверждение, что осуществлении осознанной профессиональной, трудовой, служебной деятельности, через которую происходит трансформация общих мотивов личности, не влияет и на процесс формирования механизма преступного поведения в рамках определения мотива и мотивационной сферы.

Возможно ли однозначное выделение только служебного интереса или только личного?

Полагаем, что на основе полимотивированности человеческой деятельности это достаточно сложно.

Тогда возникают закономерные вопросы: «А нужно ли такие субъективные признаки, как личная заинтересованность и личный интерес использовать при законодательной формулировке состава преступления?», «Соответствует ли это справедливости как принципу уголовного законодательства?», а также «Обоснован ли их учет при привлечении к уголовной ответственности?».

Рассматривая личную заинтересованность как мотив совершения преступления, сложно согласится с мнением некоторых ученых о том, что, хотя «личные интересы» присутствуют при любой мотивации поведения, однако в правоприменительной практике данный признак трактуется более узко – как совершение преступления по мотивам, не связанным с общественными, государственными и какими-то иными не личными интересами [5, с. 191].

В ряде случаев правоприменительная практика определяет иную личную заинтересованность совокупность потребностей лица в различных сферах, в том числе и служебной, что вполне обосновывается и в науке.

Так же сложно согласится с предложением замены исследуемого признака на цель извлечения выгод и преимуществ для виновного или других лиц [5, с. 190-191]. В таком случае необоснованно сужается возможность привлечения к уголовной ответственности за ряд рассматриваемых преступлений.

Подводя итог, полагаем целесообразным и обоснованным исключение из составов преступлений мотива личной заинтересованности и личного интереса, как обязательного признака субъективной стороны.

Список литературы:

1. Апелляционное постановление Тульского областного суда от 15 сентября 2017 года по уголовному делу №22-1791. URL: <http://oblsud.tula.sudrf.ru>. (дата обращения: 23.10.2019).
2. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 128 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
4. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции/ А.Н. Леонтьев. – М., 1971. URL: https://royallib.com/read/leontev_aleksey/potrebnosti_motivi_i_emotsii.html#0 (дата обращения: 23.10.2019).
5. Складов С.В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение / С.В. Складов. – М., 2000. – 279 с.

6. Суворова Г. Психология деятельности / Г. Суворова. URL: <https://iknigi.net/avtor-g-suvorova/102427-psihologiya-deyatelnosti-g-suvorova/read/page-8.html> (дата обращения: 23.10.2019).
7. Суслина Е.В. Анализ судебной практики применения статьи 292 УК РФ (Служебный подлог) / Е.В. Суслина. – URL : <http://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/osnovy-pravovoj-sistemy/item/442-analiz-sudebnoj-praktiki-primeneniya-stati-292-uk-rf-sluzhebnyj-podlog> (дата обращения: 23.10.2019).
8. Уголовное дело № 15138157. Нижнеингашский районный суд Красноярского края. URL: <http://ingash.krk.sudrf.ru>. (дата обращения: 23.10.2019).
9. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=261 (дата обращения: 23.10.2019).
10. URL: http://primsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=43 (дата обращения: 23.10.2019).
11. URL: <https://resheniya-sudov4.ru/10/190986/> (дата обращения: 23.10.2019).

